

Сергей А. Байбаков

СССР. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ РАСПАДА

Осмысление причин распада СССР вновь актуализировало проблему его образования. В первые годы перестройки (во второй половине 80-х годов), преобладало мнение, что СССР был учрежден на основе ленинских идей и лишь позже Сталину удалось на деле осуществить „автономизацию“, лишив республики их суверенитета. Изначальная жизнеспособность Союза при этом сомнению не подвергалась. Теперь политики и публицисты высказывают иные суждения. Многие из них считают, что созданное большевиками союзное государство (вне зависимости от того, было ли оно сталинского или ленинского образца), не могло быть ничем иным, кроме как „унитарно-тоталитарной колониальной империей“, так как оно строилось главным образом на насилии, демагогии и обмане. Отсюда его изначальная обреченность. Конечно, такое объяснение легко вписывается в сложившуюся политическую конъюнктуру. Однако наш богатый кризисными ситуациями опыт показывает, что высказанные в такой момент суждения и оценки часто грешат односторонностью, преувеличением и прямолинейностью, а самое простое объяснение не всегда оказывается самым верным.

Ряд ученых (В. А. Тишков, С. В. Чешко и др.) видят фатальную ошибку, допущенную в первые годы Советской власти в том, что тогда был отвергнут географический (территориальный) федерализм, апробированный в государственном строительстве ряда стран Европы и Америки. В то время, еще при В. И. Ленине, по тактическим соображениям был временно принят национально-территориальный принцип формирования советского федеративного государства. Позже, в годы сталинского режима, этот, в сущности чуждый марксистской доктрине, принцип был канонизирован, что, по их мнению, привело к огосударствлению этнической структуры с разделением населения по

национальному признаку, заложившему основу современных национальных конфликтов. Этот процесс оценивается как пересечение национализма, главным элементом которого выступает идея национальной государственности, со сталинизмом, представлявшим собой систему тотального огосударствления общественной жизни¹.

Отсюда вытекает одна из основных проблем исследования национально-государственного строительства в нашей стране – выяснение критериев формирования субъектов советских федераций. Если несколько конкретизировать и сузить эту проблему, то она очевидно сведется, в первую очередь, к определению роли национального фактора при образовании субъектов РСФСР и СССР. При этом перед историками, государствоведами, политологами вновь встают, казалось бы, решенные вопросы: предусматривалось ли создание национальной государственности, дооктябрьскими программными документами большевиков; если не предусматривалось, то какие исторические обстоятельства заставили или побудили большевиков признать возможность федерирования России по национально-территориальному принципу; если же создание национальной государственности предусматривалось, то почему до лета 1917 г. они отвергали возможность и целесообразность перехода к федеративной форме государственного устройства России; насколько реален (соответствовал сложившейся политической обстановке в стране) в первые годы советской власти был географический (территориальный) федерализм, были ли в то время сторонники федерирования России по этому принципу.

Все это лишь небольшая часть того сложного комплекса вопросов, которые стоят сейчас перед специалистами в области истории национально-государственного строительства в СССР. Поскольку в коротком сообщении невозможно рассмотреть даже вышеупомянутые проблемы, хотелось бы ограничиться постановкой лишь некоторых их аспектов с учетом достигнутого на сегодняшний день уровня их научного изучения, а также определить перспективные направления дальнейшего исследования.

Начнем с программных положений РСДРП по национальному вопросу. Вместе с другими партиями II Интернационала российские большевики выступали за право наций на самоопределение, отвергнув принцип национальности, являющейся выражением национальной парадигмы. В соответствии с ней нации рассматриваются в качестве высшей формы исторической общности, а наиболее благоприятным

¹ В. Тишков, *Народы и государство*, „Коммунист“ 1989, № 1; Ю. В. Бромлей, С. В. Чешко, *О новой Конституции СССР*, „Советская этнография“ 1990, № 5; *Национальные процессы в СССР*, Москва 1991, с. 88–90.

условием существования нации признается национальное государство. Признание принципа самоопределения не исключает возможности создания нациями своего государства. Такая форма самоопределения нации является наиболее полной и последовательной из всех возможных. Но наряду с сепарацией (сецессией) принцип самоопределения предусматривает возможность объединения народов в рамках унитарного или федеративного государства, что больше соответствует объективно усиливающейся в зрелом капиталистическом обществе тенденции интернационализации. В современных исследованиях высказано мнение, что принцип самоопределения наций соответствует переходу от национальной к постнациональной стадии развития народов².

Думается, что принцип национальности был отвергнут российскими социал-демократами не только потому, что ими были в целом верно определены тенденции развития наций и прежде всего тенденция к интернационализации всех сфер общества в качестве ведущей. Не менее важную роль сыграло то обстоятельство, что главный критерий социального членения общества они видели в отношениях собственности и соответственно основным элементом социальной структуры общества считали не нацию, а класс. Возможность полного решения национального вопроса большевики, вслед за основоположниками марксизма, связывали с коренным преобразованием сущности капитализма как общества, основанного на частной собственности. В соответствии с марксистской доктриной только в условиях строя, основанного на общественной собственности, возможно преодоление классовых антагонизмов и на этой основе полное изживание национальных противоречий. Отсюда – стремление большевиков подчинить борьбу за решение национального вопроса интересам классовой борьбы пролетариата за свое освобождение. Сквозь призму классового интереса большевики рассматривали и общедемократический принцип самоопределения наций. „Интересам именно этой [классовой – С. Б.] борьбы – писал Ленин – должны мы подчинять требование национального самоопределения. В этом именно условии и состоит отличие нашей постановки национального вопроса от буржуазно-демократической постановки его”³.

Из основного постулата большевиков о том, что партия пролетариата ставит своей главной задачей „содействие не самоопределению народов и наций, а пролетариата в каждой нации” вытекала серьезная теоретико-методологическая проблема, которую надо было решить российским марксистам: найти оптимальное, с их точки зрения, соотношение между классовым и национальным факторами в российском освободительном

² О концепции национальной политики в Российской Федерации, Москва 1992, с. 4–5.

³ В. И. Ленин, Полное Собрание Сочинений, т. 7, с. 235.

движении. На этом основании ряд исследований выводит сущность „левизны” в национальном вопросе. По их мнению, она заключается в полном растворении национального в классовом⁴.

Недавно появились работы, авторы которых считают, что для большевистского менталитета вообще характерно жесткое подчинение национального момента классовым интересам пролетариата: то есть „левизна”, они утверждают, что приоритет классового над национальным в образе мышления большевиков оборачивался на практике игнорированием национальной независимости. Положения „Декларации прав народов России” и другие демократические лозунги стали трактоваться как право и обязанность народов служить делу мировой революции. В этой идее и популярном в 20-е гг. лозунге „мировой коммунистической республики с Лениным во главе”, по их мнению, было объективно заложено великодержавие, именуемое этими исследователями „концепцией красного империализма”⁵. Отсюда их общий вывод – абсолютизация большевиками классовых интересов пролетариата в национальной политике послеоктябрьского периода на деле привела к своеобразной метаморфозе пролетарского интернационализма в великодержавие, результатом которой было создание советской тоталитарной империи.

По поводу этих новых для отечественной историографии суждений хотелось бы заметить, что видимо они не лишены оснований. В их пользу говорят аналогичные или близкие выводы зарубежных авторов (Р. Пайпса и др.). Однако в этом направлении российским историкам предстоит дать серьезную научную аргументацию новых мыслей, которые пока звучат скорее как вероятная научная гипотеза. Конечно, утверждения теоретиков большевизма о примате классовых интересов над национальными в принципе свидетельствовали о левых позициях, которые занимали большевики в российской и международной социал-демократии. Однако единого представления о путях реализации этой общей методологической установки в ходе выработки конкретных требований платформы партии по национальному вопросу среди них не было. С момента возникновения РСДРП внутри нее проявилось явно нигилистическое течение, представленное на II съезде партии польскими социал-демократами, которые считали, что признание права нации на самоопределение несовместимо с интернациональной борьбой пролетариата. Такая точка зрения действительно означала полное подчинение национального фактора классовому и представляла собой

⁴ Ю. М. Гарушьянц, *Национальная программа ленинизма (Генезис и „левые оппоненты”)*, „Рабочий класс и современный мир” 1989, № 5, с. 38.

⁵ *Наше Отечество*. Москва 1991, т. 2, с. 139–148.

левизну уже в самой левой позиции социал-демократов, т. е. ультралевизну. Известно, что съезд не согласился с мнением представителей польской социал-демократии и включил положение о праве наций на самоопределение в программу РСДРП.

С той поры ультралевые всплески периодически давали себя знать. Достаточно напомнить продолжительную полемику Ленина с Р. Люксембург, а также российскими национал-нигилистами, или, как окрестил их Ленин, группой „империалистического экономизма” (Бухарин, Пятаков, Бош). Подводя итоги длительной дискуссии о самоопределении летом 1916 г., Ленин отметил, что наиболее основательно отношение к этому лозунгу наблюдалось среди польских и голландских социал-демократов. Об этих дискуссиях мы знаем пока немного, и здесь могло быть полезным сотрудничество российских и польских ученых, в первую очередь историков. С учетом исторического опыта особенно важно изучить позицию люксембургянцев в национальном вопросе (как польских, так и российских). Сдвиги в изучении этой проблемы наметились в современной российской историографии. Прежде всего констатирована необычайная живучесть и относительно широкое распространение ультралевизны в национальном вопросе, наблюдавшаяся не только до Октября 1917 г., но и в годы советской власти. Исследователи обратили внимание, в частности, на то, что при обсуждении программного положения в праве наций на самоопределение на VIII съезде РКП(б) ни один из участников прений не выступил в защиту предложений Ленина о сохранении этого предложения в программе.

В ряде недавно вышедших работ показано, что в основе теоретических построений российских люксембургянцев лежала односторонняя оценка эпохи империализма. В отличие от своего оппонента – Ленина, к примеру, Пятаков видел только одну тенденцию к интернационализации экономики, созданию мирового хозяйства, установлению тесной и неразрывной связи между нациями. Он, как и его единомышленники, был убежден, что в результате грядущей мировой пролетарской революции возникнет социалистическое хозяйство, охватывающее весь мир или его большую часть. В этом случае с чисто экономической точки зрения, требование национальной независимости он считал устаревшим, взятым из другой эпохи – борьбы с феодализмом. Пятаков полагал, что в классово-антагонистическом обществе устремления пролетариата и буржуазии одной нации не совпадают. В том случае, если бы большая часть нации попала под влияние буржуазии, а пролетариат оказался бы в меньшинстве, то социал-демократы, по его мнению, не должны были считаться с волею такого большинства. Подобное симптоматичное

рассуждение разделялось отнюдь не одним Пятаковым. Не оно ли будет реализовываться в ходе установления советской власти на местах и начальном этапе национальной политики советского государства? Исходя из этих соображений Пятаков считал реакционным требование создания национального государства, так как под его флагом могли объединиться все противники пролетариата и социализма. Соответственно и национально-освободительное движение рассматривалось им как сепаратистское.

Полемизируя с Бухариным и Пятаковым, Ленин высказывал сомнение, что экономический фактор сам по себе уладит все национальные проблемы. При этом он ссылаясь на письмо Энгельса к К. Каутскому от 12 сентября 1882 г., основная мысль которого – навязывать народам, борющимся за свою независимость, осчастливливание против их воли значило бы подрывать победу пролетариата. Энгельс, а вслед за ним и Ленин не исключали возможности конфликтов этих народов с социалистическим государством в форме революций и войн в случае его ошибочной политики в национальном вопросе.

Таким образом, большевистский менталитет до революции и в первые десятилетия после нее не был столь однообразен и тоталитарен, как в годы сталинского режима, что необходимо учитывать при определении позиции большевиков по национальному вопросу. Российским ученым и их зарубежным коллегам еще предстоит определить масштабы распространения ультралевых взглядов на национальный вопрос внутри партии. Пока нам неизвестно, кто разделял позицию Ленина в споре с люксембургскими в вопросах о самоопределении наций, или он был в одиночестве. Конечно, кроме левизны и ультралевизны нам необходимо непредвзято воспроизвести и оценить весь спектр мнений по принципиальным слагаемым национальной политики большевиков, а также их политических противников и союзников, чтобы всерьез говорить о возможности или невозможности альтернативных путей решения национального вопроса. При этом следует проследить динамику позиций спорящих сторон. Естественно, решение столь объемных научных задач возможно при тесном сотрудничестве специалистов разных областей гуманитарных наук, разных стран и разных научных позиций, к которому, заканчивая свое выступление, я еще раз призываю.

Sergiej A. Bajbakow

ZSRR. REFLEKSJE PO ROZPADZIE

W artykule autor podkreśla, że rozważenie przyczyn rozpadu ZSRR ponownie aktualizuje potrzebę zbadania zasad, stanowiących podstawę jego utworzenia. Przed historykami i politykami znów stanęły, jak się wydawało, już rozwiązane problemy: czy w przedrewolucyjnych dokumentach programowych bolszewików przewidywano utworzenie państw narodowych? Jeśli nie przewidywano takiej sytuacji, to jakie historyczne okoliczności zmusiły lub pobudziły bolszewików do tworzenia rosyjskiej federacji według kryteriów narodowo-terytorialnych? Na ile był realny (tj. odpowiadał zaistniałej sytuacji politycznej w kraju) w pierwszych latach władzy radzieckiej terytorialny federalizm?

Następnie S. Bajbakow omawia współczesną ocenę pozycji bolszewików dotyczącą problemu nacionalnego. Należy przy tym uwzględnić, że ich stanowisko do października 1917 r. i w pierwszych latach władzy radzieckiej nie było tak jednolite, jak w okresie reżymu stalinowskiego. Teza teoretyków bolszewizmu o prymacie interesów klasowych nad nacionalnymi w zasadzie świadczyła o lewicowej pozycji, którą zajmowali bolszewicy w rosyjskiej i międzynarodowej socjaldemokracji. Jednak nie mieli oni jednolitej koncepcji na temat realizacji tej ogólnej metodologicznej zasady marksizmu w czasie opracowania konkretnych zadań partii w kwestii nacionalizmu. Już od momentu powstania SDPRR wewnątrz niej ujawnił się jawnie nihilistyczny nurt, którego przedstawiciele uważali, że uznanie praw narodów do samostanowienia jest sprzeczne z internacjonalistyczną walką proletariatu. Ten punkt widzenia stanowił istotę najbardziej lewicowej pozycji socjaldemokratów, tj. nadawał jej kierunek ultralewicowy. Te ultralewicowe poglądy rozprzestrzeniły się nie tylko wśród rosyjskich, ale i wśród polskich socjaldemokratów.